

16+

М.П. Ваго

И Москва замолчала

Максим Павлович Ваго И Москва замолчала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66416382

SelfPub; 2021

Аннотация

Имеет ли человек моральное право на убийство? Может ли он без зазрения совести взять и лишить ближнего жизни? А что, если это будет ещё и легально, пускай и всего один день в году?

Данное произведение являетсяommaжем на работу Ю. Даниэля (Н. Аржак) "Говорит Москва".

Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержание

1	4
2	10
3	14
4	19
5	23
6	27
7	29

Максим Ваго

И Москва замолчала

1

Теперь, когда всё закончилось, я должен рассказать свою историю. Снова вспомнить как мир превратился в кошмар, как всякая человечность и цивилизация сползли с лиц моих соседей в самые короткие сроки... Но обо всем по порядку.

Я запомнил тот день, когда всё началось, очень хорошо, в мельчайших деталях. Мы с Леной сидели на балконе и что-то лениво обсуждали, наслаждались майским теплом, вдыхая запахи всевозможных цветений, раскинувшихся под окнами. Она что-то увлечённо рассказывала про свою учебу, а я, слушая вполуха, отгонял невесть откуда взявшуюся осу от нектарина. Фрукт был чрезмерно сочным, поэтому после каждого укуса приходилось утирать лицо полотенцем, чтобы не испачкаться сильнее.

Идиллия выходного дня была напрочь сломлена проклятым интернетом. Уж есть у него такие особенности: подпортить настроение и спутать мысли. Моя прекрасная собеседница, не прекращая рассказа, что-то высматривала в смартфоне, и, внезапно, поток бесконечных слов оборвался. Я поднял взгляд на Елену и сразу же понял, что что-то случи-

лось. Лицо её вытянулось, глаза округлись, а рот так и остался приоткрытым, затаив где-то внутри остаток незаконченной фразы.

– Что-то случилось? – спросил я без особого интереса.

Собеседница молча протянула мне телефон, видимо, желая сначала услышать моё мнение. Солнце светило в чёрный экран и пришлось немного поколдовать, чтобы хоть что-то прочитать. Наконец, мне удалось рассмотреть то, что показывала Лена. Это был пост в одной из городских групп. Текст пестрил разнообразными терминами и заумным бюрократическим языком. Но суть была таковой: летом должен пройти первый «День открытых убийств». Ниже была расшифровка того, что имелось ввиду под этой необычной формулировкой. В указанный день каждый гражданин мог убивать любого другого человека без угрозы каких-либо санкций. Ниже были также указаны исключения из этого положения: под запретом были убийства врачей, полицейских, солдат, спасателей и пожарных. Всем этим людям предписывалось носить форму в этот день, дабы обезопасить себя и предупредить окружающих о своем статусе. Также запрещалось брать что-либо с тела мертвеца. В конце было также указано, что предложение ещё будет дорабатываться, обещались какие-то правки.

Я хмыкнул. Новость меня действительно удивила, но доверия к ней не было абсолютно.

– Вброс. – подытожил я кратко.

– Ну как ты можешь такое говорить?! – взъелась моя собеседница. – Ты разве не понимаешь, что это значит?

– Понимаю, конечно, – отвечал я, снова вернувшись к сочным фруктам. – Это значит, что в редакции группы работают полнейшие профаны, абсолютно не проверяющие информацию.

– Подожди, я сейчас проверю, – Лена уставилась в телефон, что-то судорожно тыкая.

А я впервые серьезно задумался, что бы было, если бы действительно был такой день, в который можно безнаказанно убивать. Но размышлениям моим не суждено было развиться, Елена вновь затараторила:

– Вот, посмотри, тут тоже пишут об этом же, – она развернула телефон ко мне, но из-за солнца я так и не смог рассмотреть, что же там было. – И тут тоже, и вот здесь.

– Тише, Лена, тише. – Она всегда повышала голос, когда начинала волноваться. – Я уверен, что это просто шутка или какая-то ошибка, слышишь? Ну, не могут они просто так взять и ввести такой закон или постановление, или черт ещё знает что. Я просто в это не верю.

Моя собеседница смотрела на меня своими чистыми голубыми глазами, казалось, что на секунду в ней проснулось сомнение, но тут же опустив взгляд в экран смартфона, она продолжила бубнить что-то про эту инициативу.

Вздыхнув, я вышел с балкона, возвращаясь под прохладу кондиционера. Захотелось побыть в тишине, не обсуждая

подобные глупости, ведь выходной бывает так редко. Однако Лена думала иначе. Она направилась следом, уже увлекшись чтением комментариев под новостью. Самое неприятное было то, что делала она это вслух и буквально на полтона выше, чем того требовал слух.

– Посмотри, что люди пишут, – продолжала напирать собеседница. – Совсем уже обнаглели в своих кабинетах, просто...

– Ну хватит, – умоляюще проговорил я, глядя на девушку.

– Что значит хватит?! Как тебе может быть все равно?!

– Лена, мне не всё равно, но я сейчас совсем не в том настроении, чтобы думать об этом. К тому же – я до сих пор во всё это не верю.

– Как ты можешь не верить?! Везде ведь уже написали, во всех пабликах!

– Ну и что? Если они напишут, что поймали живого динозавра, тоже будешь верить?

– Ну да, – проговорила девушка, чуть смутившись. – А как не верить?

Не найдя в себе силы на спор я заглянул в холодильник и, найдя повод выйти из дома, отправился прочь.

На улице мне позвонил Андрей – мой старый товарищ, пожалуй, один из тех немногих людей, кого я бы мог назвать своим другом.

– Привет, Тема, – радостно проговорил телефон.

– Привет-привет, – также радостно ответил я.

– Наши планы ещё в силе? – проговорил Андрей, имея в виду встречу старых друзей в баре, запланированную на сегодня.

– Конечно! Как от такого можно отказаться? Сто лет же не виделись!

– Отлично, тогда до вечера!

– Давай!

Я уже собрался было убирать телефон от лица, но трубка заговорила вновь:

– Ты уже слышал эти новости? – Андрей нехорошо понизил голос, чуть ли не шепча в трубку.

– Так, ты про этот День убийств?

– «День открытых убийств», – зачем-то поправил меня собеседник.

– Ну да, Лена уже все уши прожужжала.

– И что думаешь по этому поводу?

– А что мне думать? Вброс, конечно же! Не знаю зачем кому-то такое вкидывать, но я сильно сомневаюсь, что там уже впали в маразм.

– Боюсь, Тема, что всё это правда, чуть ли не все издания уже написали.

– И что, что написали?! – не выдержал я. – Должен же в вас быть здравый смысл! Ну включите голову, какие открытые убийства?!

– Здравый смысл, это, конечно, хорошо, но...

– Ладно, Андрюха, до вечера.

Продолжать этот глупый разговор совершенно не хотелось. Удивительно, как интернет за пару минут может уничтожить все хорошее настроение.

2

К вечеру все вокруг только и делали, что обсуждали последние новости. В бар я всё же пошел, однако, встреча явно не удалась. Вместо отвлеченных разговоров, ностальгических воспоминаний и размышлений о предстоящем лете все говорили лишь про этот день убийств, чем изрядно меня раздражали. Кто-то говорил, что это план правительства по сокращению населения, другие считали, что это какой-то глупый эксперимент и никакого Дня убийств не будет. Третьи же, самые доверчивые, думали, как пережить этот страшный день. Но Андрей поразил меня сильнее всех. После очередного бокала пива он спросил:

– Ну что, ребят, уже думали кого хотели бы убить?

– Начальника-урода, – со злобой проговорил Сёма. – Или хотя бы его зама. Оба такие мудаки!

– О, а я бы тещу грохнул! – проговорил воодушевленно Рома – он был единственным женатым в нашей компании, и отношения с семьей жены не задались у него с первого дня.

– А ты, Тема? – весело спросил Андрей

– Что я? – удивленно спросил я.

– Как что? Кого бы завалил?

– Да никого...

– Да брось тебе, свои люди, никому не расскажем, – поддержал Сёма, глупо хихикнув.

– Вы серьезно? Закон ещё не приняли, а уже думаете, как кого убивать будете?

– Да брось ты, – попытался сбавить мой пыл Андрей.

– Да, Артем, чего ты такой душнила? – сказал Рома.

– Душнила? А может вы и правда можете кого-то уgroбить?! – Я разошелся не на шутку. – Может меня убьете? А? Чего вы? Вам же просто?! Вон, тещ своих готовы резать, начальников стрелять!

– Тема, ты чего? – удивленно произнес Андрей.

– Да ничего. – Сказал я, поднимаясь из-за стола. – Ну вас, головы дурные!

В расстройстве я побрел домой. Наверное, стоило вызвать такси, но испорченное настроение и выпитое пиво требовало пешей прогулки. Я злился на своих друзей, злился на их рассуждения. Даже если это и были пьяные шутки, то я совершенно был не рад слышать их от дорогих мне людей.

Я размышлял о сегодняшнем дне. Мысли вновь и вновь возвращались к проклятому Дню убийств. Интересно, а что буду делать я в этот день? Наверное, как и всегда, пойду на работу, если её не отменят. А если отменят, то посижу дома. А если вдруг выйду на улицу, и кто-то на меня нападет, смогу ли я отбиться? А если смогу и представится возможность добить нападавшего, что тогда? Воспользуюсь ли я ей? Ведь напавший однозначно хотел меня убить. Почему я не могу поступить также? Да и вообще, смогу ли я убить человека? Пускай не нападавшего, а того, кто действительно этого за-

служивает. А с другой стороны, кто я такой, чтобы решать такие вопросы? Не я его породил... Но ведь я могу закончить его жизнь...

Размышляя, я прошел мимо ларька, где продавали шаурму. Он стоит тут довольно давно, и иногда, когда времени совсем не было, я сюда заходил, беря аппетитный сверток. Но недавно, после одного из таких, я отравился. Да так сильно, что в один момент уже подумывал, что Лене придется меня хоронить. Что ж, я все ещё жив, а дорогу к ларьку забыл как страшный сон. Там всегда работает один единственный повар, и, если подумать, то именно он меня чуть и не отправил на тот свет. То есть буквально чуть не убил. А теперь будет день, когда убивать можно открыто. Стоит ли мне ему мстить? Мстить за себя, за других отравившихся... Наверняка ведь он будет работать в этот самый день. Будет стоять, крутить свертки... И тут появляюсь я и прекращаю его бесконечную работу.

Я всё думал и думал, проходя мимо домов, небольших тенистых аллеек, мимо лавок с бомжами. Бездомных мне стало искренне жаль – кто же им объяснит, что в этот день их будут убивать на вполне законных основаниях? А в том, что именно они станут первыми жертвами, я не сомневался. Знаю ведь, какое отношение к этим несчастным, не все им сочувствуют, а многочисленные случаи расправ, периодически всплывающие в новостях, лишь подтверждают мои мысли.

Так, незаметно для себя, я оказался у дома. У моего подъезда стоял подросток. Он курил, чуть пошатываясь на пьяных ногах. Из его телефона играла какая-то модная, раздражающая мелодия. Проходя мимо, бывший ребенок громко сплюнул на землю, чем вызвал во мне приступ жуткого раздражения. Все ходим по этой земле, по этой дороге, так зачем же гадить, где живешь сам, где обитают твои близкие? Почему ему никто этого не рассказал? Почему его никто не научил этому взаимному уважению? Быть может, в этот день такие как он и будут убиты? Убиты за отсутствие воспитания, за отсутствие уважения к людям вокруг, за то, что они не умеют жить в обществе. Но что-то подсказывало, что именно такие и будут убивать. Я вошел в подъезд и уже через пять минут лежал рядом с Леной в кровати. Уснул совершенно ни о чем не думая.

3

Утро было солнечным, легким. Выпитое пиво никак не сказалось на моем состоянии и свой день я начал с приподнятым настроением. Лены рядом не оказалось, должно быть делает завтрак или ещё что-то. Чуть полежав, я поднялся и отправился на кухню, откуда доносился шум телевизора. Странно, Лена никогда его не смотрела...

Войдя в светлую комнату, я увидел свою девушку, замороженно следящей за ведущим, важно рассиживающим в костюме и что-то рассказывающим про вчерашние события.

– И когда это ты успела постареть? – пошутил я.

– Тихо! Сейчас начнется! – резко оборвала Лена.

Что ж, это было достаточно грубо, я уже хотел было как-то съязвить, но тут ведущий начал рассказывать про принятие в первом чтении закона об организации «Дня открытых убийств». От этих слов всё внутри похолодело. Если это действительно была шутка, то она затянулась. Дальше мужчина в костюме зачитал основные положения, которые ещё вчера называла Лена. В конце он добавил, что под государственной защитой также остаются работники транспортных систем, находящиеся на работе в этот день. Похожая защита распространялась на чиновников, находящихся на рабочем месте.

– ...дата «Дня открытых убийств» будет объявлена поз-

же, – закончил свою речь ведущий. – а теперь к новостям спорта...

– Видишь?! – чуть ли не закричала Лена, вскинув руки. – Я же тебе говорила! А ты не верил.

– Все равно, чушь какая-то получается, – проговорил я, всерьез задумываясь о предстоящем деле. – Как думаешь, зачем они это устраивают?

– По телевизору сказали, что это устраивается для решения скопившихся социальных проблем и для обнаружение замороженных социальных конфликтов.

– Какая-то размытая формулировка, – протянул я в ответ. – Впрочем, как всегда.

Потом мы ели, разговаривали на какие-то отвлеченные темы, строили планы на будущее. Днем мы, как и планировали, пошли в кино. В общем, день проходил как обычно. Лишь вечером, когда мы уже сели ужинать, девушка включила телевизор. Недолго пощелкав, остановилась на передаче, где высокомерный ведущий в течение часа рассуждал о случившемся за неделю. Я вновь удивился тому, что мы, вместо какого-нибудь ролика, сериала или фильма, вынуждены смотреть на эти противные лица из телеэкрана. Но на все мои протесты Лена отмахивалась, не давая переключить канал или выключить телевизор.

Наконец, обсудив ситуацию в соседней стране и успев прокомментировать выборы на другом конце планеты, надменный ведущий с восторгом стал рассказывать о новой пра-

вительственной инициативе, общими словами расписывая преимущества от «Дня открытых убийств». С упоением перечислял все случаи, когда уместно будет воспользоваться новым правом. Вспомнил про проблему нехватки жилья среди молодых семей, упомянул про шумных соседей-алкоголиков, а потом зачем-то стал рассказывать про многонациональность нашей страны. Дескать введение этого дня позволит сохранить традиции некоторых народов и систематизировать некоторые обычаи. Под конец ведущий, ехидно ухмыляясь стал напоминать, что полицейских, солдат, врачей, пожарных, спасателей, работников транспортных сетей и чиновников убивать нельзя. А потом добавил, что иностранные граждане также могут не опасаться за свою жизнь. Для защиты иностранного населения предписывалось создать специальные зоны, где каждый иностранец мог с комфортом переждать этот день. Правда, чтобы попасть в эту зону следовало предоставить документ, подтверждающий законность пребывания в этой стране.

– Смотри, ещё и по нелегалам бьют, – проговорила Лена, удивленно.

– Да, а сами защитились своими дурацкими правилами. – согласился я.

Потом ведущий снова вернулся к проблемам иностранных государств, и мы выключили телевизор. Ужинали уже в тишине. Молчание прервала Елена:

– Слушай, а кого бы ты убил?

– Что?

– Нет, я серьезно! – проговорила девушка. – Если действительно была бы такая возможность, то кого?

– Себя, – отшутился я.

– Ну хватит! Я же серьезно спрашиваю, а ты всё шутишь!

– Лена, я тоже тебе серьезно отвечаю. – Я посмотрел прямо в её большие чистые глаза. – У меня нет никакого морального права убивать кого-то, кроме себя самого.

– Дурак! – выпалила она и недовольно поджав губы пошла мыть свою посуду.

И чего я не так сказал? Нет, я точно не смогу на ней жениться, уж слишком мы разные...

– Ты что, обиделась? – попробовал было я наладить контакт.

Лена не отвечала, молча перебивая посуду, стараясь делать вид, что меня тут нет.

– Хорошо, а кого бы ты убила?

– Да хоть кого! – выпалила девушка.

– В смысле? – искренне удивился я.

– Разве тебе не интересно понять, какого это?

– Что именно? Какого это убивать кого-то?

– Да! Разве не любопытно, какие будешь испытывать эмоции? – говоря это, в глазах Лены вспыхнул какой-то нехороший огонек. – Верующие говорят, что на всё воля божья: и на рождение, и на смерть. А тут смерть происходит по *твоей* воле!

– Лена, я не понимаю...

– Чего тут не понять? Я хочу побывать в шкуре Бога...

Хотя бы раз, хотя бы денечек!

Я смотрел на девушку, с которой жил уже полтора года и понимал, что совершенно её не знаю. Я даже и представить не мог, какие мысли обитают в голове этого человечка. Никогда ещё она меня так не пугала, и было совершенно очевидно, что это не тот человек, который выхаживал меня после недавнего отравления, совершенно не та девушка, которую я знал всё это время. А быть может это была она, просто я никогда не мог разглядеть в ней эту часть личности... В ту ночь мы спали отдельно, чему я был искренне рад.

4

Утро было хмурым, совершенно похожим на моё настроение. На работу я вставал рано, чтобы быть в офисе уже к половине девятого. Лена же ещё училась, а потому могла отсыпаться до десяти. В то утро я был рад этому – совершенно не хотелось её видеть. Наскоро приготовив завтрак, я сел кушать и зачем-то включил телевизор. Шли утренние передачи, всегда такие добрые, светлые. Разговор ни о чем, чтобы зрители могли поставить бубнёж ведущих на фон, пока готовится завтрак. Но сегодня вся передача была посвящена этой чертовой инициативе. Кажется, все только и делают, что говорят о предстоящем «Дне открытых убийств». С отвращением шикнув я выключил телевизор и продолжил есть в абсолютной тишине.

Рабочий день прошел быстро. Несмотря на понедельник, начальник решил отпустить меня пораньше. Времени было ещё много, поэтому я решил навестить отца. Жил он на другом конце нашего мегаполиса, в небольшой однушке. У нас с ним хорошие отношения. В любой момент можно к нему приехать, обсудить какую-нибудь проблему, спросить совет. Так я поступил и в тот раз.

Мой старик встретил меня в весьма приподнятом настроении. На нем был кулинарский фартук, а по квартире разносился манящий аромат свежеприготовленных котлет. Да,

мой отец тот ещё повар! Вместе мы покончили с готовкой и приступили к совместному ужину.

Из старенького телевизора с выпуклым экраном доносились приглушенная речь. Отец сделал погромче – оказалось, то были какие-то дебаты. Двое мужчин в костюмах, крича и размахивая руками, пытались отстоять свою позицию, под пристальным надзором ведущего.

Мужчина слева представлял желтую партию и всё время говорил про экономику, дескать «День открытых убийств» может уничтожить много потребителей, что принесет лишь экономический упадок. В противовес ему, мужчина из белой партии рассказывал, про рост самосознания и построение гражданского общества. По его убеждениям, наше общество было уже достаточно развито, чтобы исключительное право государства на убийство постепенно перекладывать на граждан.

А я слушал их, совершенно не понимая, как такое может появиться в голове нормального человека. Экономика, общество, государство, права... Никто из них так и не заикнулся про мораль. Никто не сказал про то, что убивать человека в принципе нельзя. Казалось, что об этой простой истине все забыли... Видя мой интерес, отец убавил громкость и произнес:

– По телевизору вообще все с ума по сходили! Только и делают, что обсуждают этот дурацкий день! – С негодованием произнес отец. – Вон, утром в передаче про здоровье зна-

ешь, что рассказывали?

– Нет, я же на работе, – отвечал я, кусая котлету. – Что говорили?

– Показывали, как лучше убить человека! Какие вены резать, куда бить!

Аппетит сразу пропал. Я отложил вилку в сторону, а отец продолжал:

– И как после этого нормально относиться к этим сволочам?! Ну ничего, мы с мужиками уже все решили, они у нас ещё попляшут!

– Ты чего, пап? – спросил я, прекрасно понимая к чему он клонит.

– Они ж сами разрешили, вот мы соберемся и покажем им народную волю! Разморозим социальные конфликты, как они говорят!

– Так их же нельзя, законом запрещено.

– Нас значит можно, а их нет? Как пенсии замораживать – так пожалуйста, как деньги отнимать – так можно! А тут ещё и убивать разрешили!

– Да, но ведь не их. Они под защитой будут...

– А плевать! Мы ведь долго ждали, но ведь вечно терпеть не будешь.

Я посмотрел на мужчину, вырастившего меня, на руки, вынесшие меня из роддома... Смотрел и понимал, что даже у этого человека, которого я знал буквально всю жизнь, были причины кого-то убить. А он продолжал, расписывая в

красках грядущую расправу, совершенно забыв про ужин и всё на свете.

5

После встречи с отцом стало только хуже. На улице царил липкий душный воздух. Такие же тягучие и липкие мысли крутились в гудящей голове. Неужели у всех вокруг есть тот, кого бы они могли без дрожи в руке и сомнений в сердце вот так взять и убить? Может и меня так убьют? За неправильный взгляд, неправильную походку или неправильное происхождение...

Хотелось убежать отсюда, спрятаться, закопаться под землю, но бежать было некуда, а ноги сами принесли меня домой. У подъезда я встретил Ларису Ивановну – мою соседку. Женщине было уже хорошо за сорок. Насколько, я знал, добрую половину жизни она работала в местной больнице и ещё дольше ухаживала за больным братом-инвалидом. Вот и сейчас она пыталась затолкать тяжелую коляску с ничего не понимающим человеком в темные недра подъезда. Я поспешил на помощь, радуясь, тому, что сегодня буду кому-то полезен.

Мы пробрались к лифту, нажали на кнопку, и механизм, чуть загудев, стал опускаться. Лариса Ивановна в это время жаловалась на жизнь, дорожающие продукты и низкие зарплаты. Я заметил, что скоро будет день убийств, а значит могут быть какие-то премии. Она отмахнулась:

– Да брось ты, если что-то будет, то по минимуму. А вот

проблем от этого дня просто не оберешься!

– Ну да, приставляю сколько горя придется нам всем пережить...

– Кому горе, а кому писанина! – проговорила женщина, проходя в открывшиеся двери лифта. – Знаешь, сколько мы за каждое тело должны бумаг заполнить?

– Но это же люди! – я совершенно не понимал, как она может думать про какие-то бумаги, когда речь идет про человеческие жизни.

– Были людьми, – деловито поправила меня соседка. – А теперь это просто тела. Все мы станем трупами, так чего печалиться? Думать надо о себе. Здесь и сейчас!

Лариса Ивановна вытолкала тяжелую коляску из железной коробки лифта. Брат её всё время что-то недовольно мычал себе под нос.

– Мне вот за Игоря уже второй месяце не доплачивают, уж не знаю, как его и прокормить. – проговорила, Лариса Ивановна, указав на человека в коляске.

– А может сходить...

– Уже ходила, спрашивала, только руками разводят. – Проговорила женщина под шум закрывающихся створок лифта.

Дома было накурено. Лена курила, правда, обычно делала она это на балконе. Сейчас же сигаретный дым лениво плыл по всей квартире.

– Лена, что это такое? – начал недовольно я.

Но девушка не отвечала. Я прошел на кухню и увидел, как моя пассия сидела, задумчиво вглядываясь во вновь включенный телевизор. В руке у нее оставалась зажжённая сигарета.

– Лена! – не выдержал я.

– А? Что? —будто бы выйдя из ступора произнесла девушка.

– Как это понимать? – проговорил я, указывая на полную тарелку бычков, стоящую прямо посреди стола.

– Это? – Лена отвечала очень рассеяно, будто бы плохо понимая, где вообще находится. – Я сейчас уберу...

Она медленно, потушила сигарету, а потом, уставившись на меня, спросила:

– Разве ты не слышал, что произошло?

– Что? – спросил я, совершенно ничего не понимая.

– Сейчас президент выступал. Это по поводу дня. Ну, когда убивать будет можно.

– И что он сказал? – проговорил я, опускаясь на кресло, совершенно теряя интерес к сигаретам.

– Он сказал... – девушка запнулась. – Сказал, что день этот будет через неделю.

– Как так?

– Вот так! Говорит, что экспертная комиссия, которая составляла все эти планы посчитала, что стоит объявить этим днем ближайшее воскресенье.

Лена говорила всё это как-то отстраненно, глядя куда-то

сквозь меня. Закончив, она опять потянулась за сигаретой. Я не стал ей мешать, также погрузившись в размышления.

Как же так? Ещё неделю назад никто и подумать не мог о чем-то подобном. А уже в следующее воскресенье по улицам будет струиться вполне законно пролитая кровь...

6

В предыдущие дни мне казалось, что мир погрузился в какой-то полоумный хаос, но настоящее сумасшествие началось после этого президентского объявления. Столько шума в СМИ и на улицах я никогда не видел. Стихийно появлялись какие-то правозащитники, пытающиеся помешать реализации проекта. Наивные дураки действительно думали, что всё это готовилось всего неделю...

Из страны массово побежали нелегалы, создавая огромные очереди на границах, несчастные пограничники только и успевали оформлять документы. Те же, кто собирались остаться, устраивали огромные скопления на вокзалах, стараясь пораньше пробиться в защищенные зоны, где иностранцы могли пережить этот страшный день. Но были и те, кто был воодушевлен грядущей инициативой. Появлялись группы, собиравшиеся устраивать городские сафари. Впрочем, за подобные призывы многие успели попасть за решетку. В противовес этим любителям экстрима стали собираться Народные ополченцы – как они себя называли. Фактически, и первые, и вторые просто хотели пострелять и поубивать друг друга. Просто делали они это под разными лозунгами.

Лена тоже хотела поучаствовать в хаосе, на фоне чего у нас случился серьезный скандал. Не буду приводить всю на-

шу ссору, скажу лишь, что в конце концов, она назвала меня трусом и, громко хлопнув дверью, удалилась. Куда? Не знаю. На звонки она не отвечала, а о планах не рассказывала. Впрочем, это случилось уже накануне самого дня убийств, поэтому времени грустить у меня не было.

Гораздо сильнее меня волновала судьба отца, ведь он до конца со всей серьезностью относился к идее кровавого бунта. Чтобы наверняка не допустить его участия в этой вакханалии, в субботу я отправился к нему, но квартира встретила меня холодной пустотой и немногословной запиской. Вид этого рваного куска бумаги вызвал во мне куда большую боль, чем уход женщины, с которой я жил последние полтора года. Я поехал домой. А в автобусе разрыдался.

Дома на меня напала апатия. Совершенно не хотелось делать что-либо. Я просто лежал на диване и пытался уснуть. Но сон, конечно же, не шел. А как уснуть, когда уже завтра будет «День открытых убийств»? Поэтому я лежал и думал. Сначала думал об отце, о девушке, о том, как из-за какого-то дурацкого дня я могу лишиться их обоих. Потом думал и о самом дне, о том, что я буду делать завтра. Буду ли я трястись от страха дома, или выйду на улицу и, подобно проповеднику, буду стараться спасти всех и каждого. Кричать про любовь, мир, жвачку... Глупо всё это. Если уж человек берет в руки оружие, то значит что-то внутри уже сломано, путь к бездонной пропасти морального падения уже начался. Так я считал. Уснуть удалось лишь под утро.

День начался резко и неожиданно – от громкого звука с улицы. Под окном моего дома раскинулась одна из главных дорог нашего мегаполиса, поэтому к шуму города я привык, но в то утро случилось действительно что-то экстраординарное. Ещё плохо соображая, я кинулся на балкон, дабы увидеть первую аварию за сегодня. Искоруженный металл, некогда бывший автомобилем, дымился на обочине, к нему уже спешили редкие прохожие. Я тоже решил не отсиживаться в комфортной бетонной коробке, а посему уже через несколько минут стоял в толпе зевак рядом с дымящимся автомобилем. Многие шептались, кто-то снимал на происходящее на телефон, другие строчили бесконечные сообщения, никто даже не попытался подобраться к помятому автомобилю.

Подойдя чуть ближе, я стал прислушиваться к диалогам толпы:

– Машину расстреляли. Водитель погиб на месте – проговорил солидный мужчина с большой плешью.

– А стрелял-то кто? – спросила женщина с уродливой зеленой сумочкой.

– Да кто ж его знает? – отвечал мужчина, пожимая плечами. – Может вообще из окна палили.

– А если и по нам зарядят?! – внезапно спохватился молодой парнишка.

Но рассуждения людей прервали хлопки-выстрелы, раздавшиеся с другой стороны дороги. В одну секунду все эти мужчины и женщины, господа и дамы, превратились в сплошную массу и, давя друг друга, помчались прочь, не разбирая дороги. Кто-то падал, и, если не поднимался в ту же секунду, то тут же попадал под ноги бегущих сзади. Поднялся дикий крик, вопили мужчины и женщины, старики и подростки. И крики эти шли со всех сторон, абсолютно дезориентируя и приводя в животный ужас.

Откуда-то сзади, заглушая звуки толпы, послышались новые выстрелы. Где-то закричал человек, какие-то люди из толпы падали на землю, не то пораженные пулей, не то укрываясь от стрельбы. Проверять времени не было, ведь я и сам стал животным в этот момент. Всего лишь существом, борющимся за своё существование... Но тогда я про это не думал, я лишь мчался вперед, удирая от таинственной, неведомой опасности, безусловно несущей лишь смерть.

Я забежал в один из дворов, но царство анархии шло по пятам не давая передышки. И крики раненных, умирающих и просто безумно испуганных людей были гимном этого царства. Дворы сменяли друг друга, дома мельтешили перед глазами, все вокруг кружилось безумным калейдоскопом...

В конце концов я вновь оказался у родного шестнадцатиэтажного дома. Запыхавшийся, уставший и безумно измученный пережитым кошмаром. До подъезда оставалось всего ничего, но я не решался идти прямо по тротуару, а пред-

почитал пробираться по кустам. Возможно, именно эта осторожность и спасла меня. Ведь пока я переводил дух, из-за угла показался незнакомый мужчина лет сорока. В руках у него была охотничья винтовка и он, озираясь по сторонам, подобно настоящему охотнику, пробирался через городские джунгли. К счастью, меня он не заметил, зато Игоря – моего соседа-инвалида-почему-то сидящего прямо тут, у подъезда, приметил сразу. Особо не размышляя, мужик вскинул ружье, целясь в человека в коляске. Дикая ярость наполнило моё уставшее тело, и в пару прыжков я оказался рядом. Совершенно не думая, что творю, я ударил снизу по стволу оружия. Дуло двустволки поднялось, и в следующее мгновение прогремел выстрел. Я повалился на колени, не то оглушенный звуком, не то от пережитых эмоций. Незнакомец резко обернулся со злобой глядя на меня.

– Ты что творишь? – попытался я воззвать к его разуму. – Это же...

Закончить фразу мне не удалось. Что-то пробубнив сквозь зубы, охотник переломил ружье и уже начал вставлять патроны в оружие, очевидно, теперь желая пристрелить меня. Рывком поднявшись, я кинулся к Игорю, слыша, как за спиной клацает перезаряжаемое оружие.

Адреналин прибавлял сил, и я без особых усилий смог затащить коляску с человеком на ней в подъезд. Напоследок удивившись, что меня до сих пор не настигла пуля. Уже заходя в подъезд, я обернулся и с ужасом заметил, что мужчи-

на, который минуту назад чуть не пристрелил моего соседа, уже сам лежит на земле. Его тело без жалости запинывали двое незнакомцев.

Через пару минут мы оказались с Игорем у меня дома. Не знаю зачем, но я потащил его на балкон, где следил за хаосом, царящем на улицах. Я обнимал этого человека, и вздрагивал от каждого выстрела, раздававшегося где-то там, внизу. И казалось, что нет больше никого в этом мире, что лишь наша маленькая компания сохраняла ту самую человечность, которую пыталась нам насадить цивилизация. Очевидно, неудачно...

Стемнело. Улица затихла, не было больше ни криков, ни выстрелов. Никто больше не расхаживал с оружием по бетонным артериям города, а если и ходил, то незаконно и такими уже занималась полиция. Под утро на дорогах показались вереницы поливальных машин и эвакуаторов, которые отмыли и прибрали город в кратчайшие сроки. Наступал понедельник, жизнь снова возвращалась в привычное русло. Снова заспешили вереницы людей в свои офисы и на заводы, на учебу и в магазины. Снова все эти толпы стали людьми, личностями, верящими в гуманизм. Будто и не было вчерашнего помешательства.

Я осторожно, стараясь не шуметь и не привлекать лишнего внимания, вернул коляску с Игорем к дверям его квартиры. Нажал на кнопку звонка и быстро скрылся. Не мог я больше смотреть в лицо Ларисы, не было в ней ничего чело-

веческого...

После этого я вернулся домой, включил телевизор. Радостный ведущий, сидящий в светлой телевизионной студии, рассказывал про достижения Дня открытых убийств. Шли нескончаемые репортажи, где радостные жители из всех уголков страны с упоением рассказывали, как провели этот день, как с комфортом и совсем без страха спрятались дома, или как делали то, что в любое другое время было запрещено. Потом шли данные статистики, мнения экспертов и снова слова, слова, слова...

Я как замороженный слушал все это, не веря в то, насколько мир может изменить всего за один день. Совершенно разбитый я нажал на красную кнопку на пульте и Москва замолчала...